

Скотоводческое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX в.

Николай Крадин

**Pastoral economy of Aginsky Buryats
in the second half of 19th – beginning of 20th centuries**

Nikolay Kradin

(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Ulan-Ude; Institute of History, Archaeology and Ethnology, Russian Academy of Sciences, Far-Eastern Branch, Vladivostok)

DOI: 10.31857/S086956870001571-6

Название расположенного в Юго-Восточном Забайкалье Агинского Бурятского автономного округа (площадь 19,6 тыс. кв. км) происходит от бурятского слова «ага», что означает «большая равнина». Так же называется река, которая пересекает округ по линии запад–восток и разбивает его на две ландшафтные зоны: лесостепь (находящийся к северу левый берег) и степь (лежит в южном направлении, между реками Агой и Ононом). С запада и севера округ ограничен Могойтуйским хребтом, с юга и востока – р. Онон. Эти границы и в наше время играют особую роль, однако в более ранние исторические периоды она, вероятно, была более значимой. Климат на данной территории сухой, континентальный. Здесь зимой почти не бывает снега и можно пасти скот круглый год. Поэтому на территории округа с древности было распространено кочевое скотоводство (известно более 300 археологических памятников кочевых культур).

Тогда в агинских степях кочевали дунху (культура плиточных могил) и сяньбийцы. В Средние века на этой земле жили шивэйцы (бурхотуйская культура) и отделившиеся от них монголы, а в начале Нового времени – буряты. В 1837 г. агинские буряты были выделены в самостоятельную степную думу¹. В записке одного из чиновников того времени читаем: «По ведомству Агинской степной думы состоят кочевые и оседлые инородцы, образ жизни их есть кочевой и непостоянный, то есть, не на одном месте; занятие же промышленностью и самый быт их происходят от одного скотоводства»².

Важнейшим источником по истории традиционного агинского скотоводства являются архивные документы. В настоящей публикации впервые введены в научный оборот материалы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива республики Бурятия (Улан-Удэ), Государственного архива Забайкальского края (Чита), Российско-

© 2018 г. Н.Н. Крадин

Исследование выполнено при поддержке Правительства Российской Федерации, грант № 14.W03.31.0016.

¹ Ковычев Е.В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н.э.). Учебное пособие. Иркутск, 1984; Тумунов Ж.Ж. Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ, 1988. Степная дума – административно-экономическая единица в Российской империи в 1822–1903 гг., учреждённая согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. М.М. Сперанского.

² Государственный архив республики Бурятия (далее – ГА РБ), ф. 129, оп. 1, д. 512, л. 57; д. 3462, л. 17.

го государственного архива Дальнего Востока (Владивосток). Громадный пласт информации о различных сторонах жизни бурят содержится в материалах земской статистики³.

Многие аспекты рассматриваемой проблемы отражены в исследованиях, посвящённых истории как Бурятии в целом, так и агинских бурят в частности⁴. Следует особо отметить книгу Л. Линховойна, хотя и небольшую по объёму, но содержащую ценный фактический материал по теме, а также работы Ж.Ж. Тумунова, в которых охарактеризовано хозяйство агинских бурят дореволюционного периода⁵. Тем не менее обобщающих трудов, где была бы представлена динамика скотоводческой отрасли в хозяйстве агинских бурят, до сих пор нет. В данной статье показаны их традиционное хозяйство и характерные для него изменения в процессе модернизации России конца XIX — начала XX в.

Агинские буряты вели преимущественно мобильный образ жизни, и частной собственности на землю у них не было. Поземельные устроительные работы в волости не проводились, земли находились в общинной собственности. Существовало свободное пользование пастбищами по праву «первозахвата»⁶ в пределах той или иной административно-территориальной группы (булуков), а сенокосные угодья находились в общинной собственности и делились на пайки «по числу душ и разряду казённых и общественных сборов»⁷. Даже накануне революции 1917 г. отношение «инородцев» к земле юридически определялось как «неразделённое владение»⁸.

Агинцы передвигались со своими стадами по тучным долинам Онона и Аги: «Главное хозяйство инородцев Агинской волости составляет чистое скотоводство [99,25%] и обработка продуктов скотоводства, хлебопашеством в связи со скотоводством занимается незначительная часть населения [0,75%], этому способствует неплодородность почвы, малое выпадение снегов, преобладание высоких степей, каменистых, дресвяных и солончаковых и удалённость от вод и лесов»⁹. Состав стада был классическим для проживавших в евразийских степях кочевников (кочевников). Они разводили пять основных видов животных (по-бурятски «*табан хушуу мал*» или «скот пяти видов») — лошадей, овец, коз, верблюдов и крупный рогатый скот¹⁰.

Отсутствие юридически зафиксированного права собственности на землю не означает, что у бурят не было выработанных многолетней практикой

³ Материалы Высочайше утверждённой под председательством стат-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Вып. 1–16. СПб., 1898–1899 (далее — Материалы комиссии Куломзина); Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. Чита, 1911; Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1916 г. Иркутск, 1917; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1917 г. Чита, 1918.

⁴ Крюков Н.А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1895; История Бурят-Монгольской АССР / Отв. ред. П.Г. Хаптаев. Т. 1. Улан-Удэ, 1954; Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Бадмаев А.А. Ремёсла у агинских бурят. Новосибирск, 1997; Батуева И.Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ, 1999; и др.

⁵ Линховойн Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972; Тумунов Ж.Ж. Очерки из истории...; Тумунов Ж.Ж. История Аги (1648–1917). Ч. 1. Улан-Удэ, 2006.

⁶ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири... С. 169–170, 173.

⁷ ГА РБ, ф. 131, оп. 1, д. 98, л. 10 об.; д. 146, л. 1–2; д. 363, л. 11 об.–12; ф. 267, оп. 1, д. 6, л. 12 об., 131 об.

⁸ Там же, ф. 131, оп. 1, д. 635, л. 66.

⁹ Там же, д. 363, л. 3 об., За.

¹⁰ Батуева И.Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков. Историко-этнографический очерк. Улан-Удэ, 1992. С. 15.

маршрутов перекочёвок, закреплённых традицией летних и зимних пастбищ. Согласно материалам комиссии А.Н. Куломзина «при каждой перемене своей стойбы, бурят ставит свою юрту на известном, так же раз и навсегда определённом месте, которое если и меняется, то очень редко»¹¹.

Конфликты по поводу использования земель в основном возникали не между бурятскими родами, а между бурятами и русскими крестьянами, бурятами и казаками¹². Это была типичная проблема для аграрных и индустриальных государств, стремившихся установить контроль над свободолюбивыми кочевниками, приписать их к тому или иному административному подразделению. Однако они кочевали там, где считали нужным, нередко нарушая государственную границу и отходя в монгольские степи.

Буряты предпочитали устраивать летники поближе к источникам водопоя, тогда как зимние пастбища выбирали в местах покосов, по возможности защищённых от ветров, а также там, где оставалось много ветоши. По разным данным, «стойбы» агинские буряты меняли от 4 до 12 раз в год¹³, причём большинство их даже в первой половине XX в. перекочёвывали с зимников на летники и обратно¹⁴.

Есть географические варианты смены пастбищ. В степной части округа к югу от р. Аги буряты устраивали летники поблизости от многочисленных озёр и озёрных западин, где они поили скот. К тому же пологие склоны озёрных западин нередко «питают» ключевые воды, вследствие чего здесь более сочные травы. Лесостепная часть, северная от реки, зимой несколько теплее, чем степная, поэтому буряты перед наступлением холодов перекочёвывали со стадами в северную половину Агинских степей. Они располагали свои зимники в лесной предгорной части Могойтуйского и Борщновочного хребтов¹⁵. При этом прослеживалась важная тенденция: чаще кочевали и использовали большее количество пастбищных территорий наиболее богатые скотоводы. Это связано с тем, что, во-первых, они имели огромное поголовье животных, для выпаса которых требовалось немалое количество ресурсов; во-вторых, в стадах богатых скотовладельцев был значительный процент лошадей и верблюдов, что обеспечивало высокую скорость кочевания животных; в-третьих, знатные номады обладали особым общественным статусом и могли авторитетом или силой отчуждать в собственное пользование лучшие участки пастбищ. «Сколько именно раз в течение года кочевник переменяет своё местопребывание вместе со своим скотом, зависит от большей или меньшей степени его богатства или, что то же самое, от числа голов его скота, — сообщается в “Материалах комиссии Куломзина”. — Кочевник, имеющий небольшое количество скота, меняет своё местопребывание всего только два раза в год; он имеет только летник (“засулан”) и зимник (“угульжен”); более богатый имеет уже четыре места кочёвок — к двум указанным у него прибавляется ещё весенник (“намурждан”) и осенник (“хабуржен”); наконец, самые богатые из кочевых инородцев меняют место стойбы своего скота до 10–12 раз, причём, кроме того, имеют все четыре указанные вида стойбищ»¹⁶.

В архивных материалах иногда встречаются сведения о конкретных маршрутах передвижений тех или иных групп номадов, местах распространения их зимних и летних пастбищ. Например, Бодангутский род (28 юрт) кочевал зимой по рекам Тутенхуй и Булук в максимальном радиусе 120 вёрст, а другой

¹¹ Материалы комиссии Куломзина. Вып. 13. СПб., 1898. С. 74.

¹² ГА РБ, ф. 131, оп. 1, д. 259, л. 3–6; Государственный архив Забайкальского края, ф. 52, оп. 3, д. 220, 253, 259, 469, 487, 566, 676, 696, 703, 1031; ф. 202, оп. 2, д. 14.

¹³ История Бурят-Монгольской АССР. Изд. 2. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 190.

¹⁴ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 4030; РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1242, л. 12.

¹⁵ Труды Агинской экспедиции. Вып. I. Иркутск, 1913. С. 52; Вып. II. Иркутск, 1913. С. 13.

¹⁶ Материалы комиссии Куломзина. Вып. 13. С. 74–75, 81.

род – Шарайский (22 юрты) – зимовал по р. Киле и берегам озера Саганнур в радиусе 80 вёрст¹⁷.

Структура стада у агинских бурят оставалась классической, характерной для кочевников-скотоводов Евразийских степей (см. табл. 1). Для Агинского ведомства было характерно преобладание мелкого рогатого скота (особенно овец – 50% всего поголовья), количество крупного рогатого скота и лошадей было одинаковым (примерно по 20%).

На рубеже XIX–XX вв. «среднестатистическое» бурятское хозяйство (в зависимости от степени мобильности) обладало стадом, состоявшим из 4–8 лошадей (13–15%), 10–16 голов крупного рогатого скота (25–30%) и 20–40 овец (около 60%). Однако вопреки распространённым утверждениям, что агинские буряты имели очень много животных, число богатых скотовладельцев у них оказывалось невелико. Так, в начале XX в. лишь 9,3% хозяйств имели более 10 лошадей, 1,8% – более 100 и всего 0,3% – свыше 300 лошадей. Доля хозяйств, владевших большим числом других видов животных, тоже весьма мала. Только в 4% хозяйств насчитывалось более 300 овец и в 2% – более 500. Лишь в 1,31% хозяйств имелось более 100 голов крупного рогатого скота и всего в 0,01% их количество достигало 300¹⁸. Следовательно, к богатым может быть отнесено не более 2% хозяйств. В то же время скотоводы имели такое число животных, которое позволяло им выживать; примерно 20,7% хозяйств было вынуждено искать дополнительные источники существования, из них 2,9% имело только какой-либо один вид животных, а 5,7% скота вообще не имело (интересно, что в конце XIX в. бесскотных хозяйств насчитывалось не более 0,5%)¹⁹.

Таблица 1

Количество скота в Агинской волости (1841–1915)

Год	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Козы	Верблюды	Свины	Буйволы	Всего
1841	21 138	18 641	47 135	6 911	1 535			95 360
1842	23 021	20 955	54 132	7 633	1 603			107 344
1844	26 035	22 978	74 244	10 065	2 166			135 798
1845	26 814	25 167	66 843	10 929	2 020			131 773
1847	25 311	26 095	66 219	7 001	1 941			126 567
1848	24 871	26 366	55 654	7 263	1 653			115 807
1849	27 317	28 177	64 684	10 060	1 993			132 231
1850	19 009	15 485	41 441	6 217	1 524			83 676
1851	13 082	19 730	47 503	8 344	1 679			90 338
1852	24 663	21 005	50 824	8 296	1 606			106 394
1854	21 941	19 359	40 105	8 186	1 759			91 350
1872	48 731	64 035	178 248	24 742	11 720	38	45	327 559
1875	49 075	64 440	178 912	24 994	11 750	25	63	329 259
1877	57 144	65 873	181 616	26 765	11 759	45	65	343 267

¹⁷ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 10, л. 24.

¹⁸ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 276.

¹⁹ Там же. С. 226, 276.

1878	75 426	120 262	231 886	32 126	4 324	23	165	464 212
1879	71 225	104 861	230 460	55 107	5 950	55	55	467713
1882	63 975	74 348	166 730	22 470	4 150	34	71	331778
1883	62 170	69 085	186 605	28 241	4 757	45	35	350 938
1893	81 584	109 160	203 680	42 257	4 921	34	14	441 650
1894	83 762	151 625	292 278	77 522	5 812	73		611 072
1899	86 133	58 282	19 765	24 563	5 666	40		194 449
1900	90 313	56 725	221 545	31 756	6 048	15		406 402
1901	96 026	62 661	208 168	20 839	2 741	46		390 481
1902	96 026	62 661	208 168	20 839	2 741	46		390 481
1903	102 639	61 353	237 987	33 425	6 346	58		441 808
1905	32 214	50 555	91 197	14 573	2 385	14		190 938
1906	25 769	43 185	75 973	21 616	1 062			167 605
1907	27 300	55 079	118 214	35 100	1 136	35	10	236 874
1908	30 577	66 774	1 13 532	35 100	2 515	28		248 526
1909	30 494	66 659	88 494	17 134	2 543	30		205 354
1911	28 421	79 235	67 254	16 247	2 945	45		194 147
1915	26 049	70 144	68 186	13 225	2 547	60		180 211

Составлено по: ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 42, л. 7 об.–8; д. 129, л. 1–2; д. 217, л. 2–3; д. 250, л. 1 об.–2, д. 253, л. 49–49 об.; д. 322, л. 47; д. 372, л. 1–2, 5; д. 462, л. 37 об.; д. 484, л. 6–7; д. 512, л. 42; д. 561, л. 13–14; д. 590, л. 24; д. 676, л. 1 об.–2; д. 852, л. 3–4; д. 1930, л. 11; д. 2110, л. 7 об.; д. 2286, л. 157 об.; д. 2325, л. 145; д. 2355, л. 140, 142 об.; д. 2402, л. 22, 33, 48; д. 2419, л. 12; д. 2458, л. 136, 138, 140, 142; д. 3291, л. 12 об., 13; д. 3315, л. 48; д. 3320, л. 25; д. 3462, л. 23; д. 3745, л. 2 об.–3, 73 об.; д. 3762, л. 127; д. 3873, л. 102, 106 об.; д. 3945, л. 164–164 об., 184, 191 об.; ф. 131, оп. 1, д. 98, л. 10 об.–11; д. 283, л. 234; д. 363, л. 25; д. 488, л. 234; д. 494, л. 141; д. 539, л. 53; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 76, 76 об., 80 об., 89; д. 6, л. 96 об., 118 об.; ф. 427, оп. 1, д. 50, л. 212.

На численность поголовья скота бурят существенно влияли различные природно-климатические факторы, джуты (падёж скота, вызванный обледенением пастбищ), засухи и проч. В октябре 1848 г. в агинских кочевьях выпало много снега, «покрыв без остатка все подножные корма». По этой причине у начальника Нерчинского округа буряты «испросили» разрешения кочевать по Онону и близлежащим речкам и урочищам около границы с Монголией, на территории проживания казаков, тунгусов и русских земледельцев-крестьян. Полученное разрешение позволило им сохранить поголовье стад, но вскоре между номадами и их соседями начались конфликты²⁰. В следующем году осенью снова прошли большие снегопады²¹. Власти оказались в трудных условиях, что опять обострило ситуацию в регионе. В сложившейся обстановке номады отказывались подчиняться властям, захватывали сенокосы, устраивали беспорядки²². Зима оказалась очень тяжёлой для кочевников и привела к боль-

²⁰ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 452, л. 1–2, 10–11.

²¹ Там же, д. 575, л. 1.

²² Там же, д. 574, л. 1, 14–14 об.; д. 575, л. 1–4 об.

шому падежу скота. От голода, снегопадов и холода погибли 8 907 лошадей, 14 679 голов рогатого скота, 25 168 овец, 4 711 коз и 689 верблюдов (в общей сложности около 40% всего поголовья)²³.

Ранее агинские буряты теряли меньше скота: в 1862 г. погибли 596 лошадей, 990 голов рогатого скота, 17 730 овец, 597 коз, в 1872 г. — соответственно 36, 689, 3 650, 122 головы²⁴. Тем не менее народ регулярно страдал от постоянных стихийных бедствий, нашествий волков и эпизоотий (массовых эпидемий животных)²⁵. Сравнительный анализ по другим обществам евразийских кочевников показывает: от различных климатических стрессов, эпизоотий погибало значительное поголовье домашних животных²⁶. В целом в кочевых обществах региона вследствие обледенений пастбищ и иных причин массовый падеж скота повторялся раз в 10–12 лет²⁷. Подобная неустойчивость кочевого скотоводства требовала привлечения дополнительных источников существования.

Охота всегда являлась важной частью образа жизни кочевников, однако агинские буряты использовали её только как вспомогательную деятельность, дававшую очень скромную прибавку к бюджету их скотоводческих хозяйств (см. табл. 2).

Таблица 2

Охота агинских бурят в 1841–1915 гг.

Год	Соболи	Лисицы	Белки	Волки	Медведи	Кабарги	Зайцы	Козы	Рыси и росомахи	Лоси и изюбры
1841	6	54	8 600	28	1					
1847	4	23	28 900	10	6					
1948	21	82	1 490	98	15	25		280	9	9
1850	3	72	36 200	37		20		100		
1851		50	1 000	50			200	150		
1852	11	40	29 062	40						
1911		65	6 609	63		11		87	11	7
1915		78	2 350	57	7	7		153	24	4

Составлено по: ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 322, л. 44 об.–45; д. 462, л. 38; д. 512, л. 42 об.; д. 590, л. 24 об.; д. 687, л. 17 об.; д. 3462, л. 4, 23 об.; ф. 131, оп. 1, д. 363, л. 26; д. 494, л. 145; ф. 427, д. 50, л. 212 об.

²³ Там же, д. 512, л. 45, 46, 49.

²⁴ Там же, д. 1926, л. 17; д. 1307, л. 48–49.

²⁵ РГИА, ф. 383, оп. 13, д. 14420, л. 1–1б., 6–6б.; ф. 1265, оп. 12, д. 104а, л. 98 об.; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, ф. 1, оп. 1, д. 1983, л. 15 об.; ГА РБ, ф. 2, оп. 1, д. 1942, л. 41, 48, 53, 170; ф. 129, оп. 1, д. 475, л. 1; д. 1903, л. 49; д. 1926, л. 17; д. 2403; д. 2461, л. 44–46; д. 2479, л. 24, 29, 35, 38 об., 46, 54, 59, 72, 81, 89; д. 3315, л. 1, 3, 7, 10, 32, 35, 42; д. 3316, л. 13 об.; оп. 2, д. 177, л. 152; ф. 267, оп. 1, д. 71; д. 93, л. 21–22, 26–27; д. 125; д. 165, л. 14, 17, 22–24; д. 171, л. 6 об.; д. 386; ф. 131, оп. 1, д. 117; д. 145; д. 309; д. 322; д. 488, л. 193.

²⁶ См.: Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 118; Слудский А.А. Джугты в пустынях Казахстана и их влияние на численность животных // Труды института зоологии АН КазССР. Т. 2. Алма-Ата, 1953; Шахматов В.Ф. О происхождении двенадцатилетнего животного цикла летоисчисления кочевников // Вестник АН КазССР. 1955. № 1; Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.). М., 1956. С. 68–70; и др.

²⁷ Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 52–55.

Рыболовством агинские буряты (как и многие другие кочевники) не занимались²⁸. Судя по всему, никаких особых доходов в середине XIX в. не приносила им и торговля. Они сбывали животных и различные продукты скотоводства (шерсть, жир, масло и проч.) на ежегодной ярмарке в Агинском, на которую, помимо номадов, съезжались русские купцы и даже торговцы из Китая²⁹. Однако общее число ежегодно продававшихся тогда бурятами голов скота и шерсти в масштабах волости оставалось невелико (см. табл. 3). Это подтверждают показатели продаваемой шерсти. Известно, что с одной бурятской овцы выходило около двух с половиной фунтов шерсти (примерно 1 кг) в год. Исключив ягнят, можно вычислить, что на ярмарку вывозилось не более 15–20% ежегодно получаемой шерсти. Скорее всего, в торговле участвовали наиболее богатые скотовладельцы, которые могли без ущерба для собственного хозяйства выставить на торг то или иное количество животных. У большинства хозяйств, как правило, все излишки производства шли на нужды собственного потребления.

Земледелие у бурят не получило значительного развития. Даже в начале XX в. «говорить о земледелии у бурят Агинского ведомства как о промысле не приходится; оно, можно сказать, во всей Агинской степи не существует, за исключением только одного села Агинского³⁰; есть попытки заниматься земледелием, часто неудачные, но земледелия в настоящем смысле этого слова ещё нет, потому что 14¹/₂ дес. посева и 32³/₄ дес. картофеля (речь идёт о 1908 г. — *Н.К.*) на всю степь ещё не составляют земледелия»³¹.

Таблица 3

Торговля агинских бурят в 1848–1852 гг.

Год	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Шерсть (пуд.)
1848	1 080	1 860	155	437
1849	1 500	1 900	2 000	455
1850	1 400	1 500	150	400
1851	100	500	100	200
1852	110	600	100	200

Составлено по: ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 462, л. 37 об.; д. 512, л. 42, 48; д. 590, л. 24; д. 687, л. 17; д. 3462, л. 4, 23; ф. 427, оп. 1, д. 50, л. 212.

Это было связано с непригодностью большинства территории для занятия земледелием: «Причину худого урожая почитается неудобство каменистого и солонцеватого грунта земли, и никакой другой сорт хлеба, кроме ярицы, засеваема ими (инородцами. — *Н.К.*) не бывает»³². По свидетельству источников середины XIX в., «кочевые инородцы засевают некоторую часть токмо картофеля, а прочие растения оседлыми инородцами, ибо по случаю первых постоянного кочевания и неимения как огородов, так и средств к сохранению овощей в зимнее время, таковые не разводятся». Однако в целом земледелие имело подсобный характер и использовалось только ограниченным числом бу-

²⁸ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 322, л. 55; д. 462, л. 38; д. 512, л. 42 об.; д. 590, л. 24 об.; д. 687, л. 17 об.; ф. 131, оп. 1, д. 494, л. 84, 143; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 61; ф. 427, оп. 1, д. 50, л. 212 об.

²⁹ Там же, ф. 129, оп. 1, д. 3010, л. 7 об.

³⁰ Там же, л. 7; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 61.

³¹ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 304.

³² ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 3462, л. 22 об.

рятских домохозяйств («снимаемый хлеб по всегдашнему почти неурожаю не продаётся, посею оного бывает недостаточно и для собственного продовольствия»)³³.

В последней четверти XIX в. на развитие бурятского кочевого хозяйства серьёзно повлияли модернизационные процессы российской аграрной экономики. Её основными факторами стали рост оседлости, внедрение земледелия (более продуктивного, чем скотоводство), ориентация хозяйства на рынок, уменьшение числа заболеваний и смертности населения (в силу проведения профилактических мероприятий против неизлечимых ранее болезней), распространение грамотности и т.д. Например, прослеживались тенденции развития у агинских бурят седентеризационных процессов, а также медленное, но постепенное увеличение в волости общего количества оседлых «инородцев». Если в 1850 г. их было около 80 человек, то в 1911 г. — более 650³⁴. Начиная с 1870-х гг. агинские буряты занимались свиноводством, являвшимся маркером оседлого образа жизни. Правда, число свиней оставалось невелико (несколько десятков голов), и их выращивали исключительно жители оседлых населённых пунктов (см. табл. 1). Поэтому более важным свидетельством седентеризации является увеличение на бурятских зимних и летних пастбищах количества деревянных юрт. Если в 1840–1850-х гг. их приходилось не более 80 на волость (0,01–0,02% общего количества юрт), то в конце XIX — начале XX в. — более 2,5 тыс. (27–31%)³⁵.

Вместе с земледелием в Восточное Забайкалье пришла частичная механизация сельскохозяйственного труда. В 1911 г. у агинских бурят насчитывалось 76 плугов и сох, 33 сенокосилки, 69 грабель и 140 борон, молотилка, веялка и жатвенная машина³⁶, а через четыре года — уже 80 плугов, 47 сенокосилок, грабли, молотилка, сеялка, 23 веялки, 4 жатвенных машины и 56 сепараторов и маслобоек³⁷.

Хотя эти показатели и были ничтожно малы для 3,5 тыс. дворов, они подтверждают тезис о том, что буряты активно занимались заготовками кормов для животных, т.е. самым важным следствием модернизации хозяйств региона стало развитие сенокосения. Буряты практиковали заготовку на зиму кормов (в отличие от монголов, практически этим не занимавшихся) ещё до появления русских первопроходцев в Забайкалье³⁸. Однако интенсификация сенокосения зависела от влияния на бурят русскоязычных переселенцев и от заимствования у них более совершенной технологии.

Поскольку на одну условную кормовую единицу в Агинской волости заготавливалось гораздо меньше сена, чем в других управах и ведомствах Забайкалья, то сложилось мнение, будто сенокосение в ней занимало более скромное место, чем на территории проживания других бурятских групп. Согласно выводам участников экспедиции, обследовавшей скотоводов Агинской волости в 1908 г., общий вес покосенных трав в расчёте на поголовье скота был весьма незначителен, что свидетельствовало о содержании животных преимущественно на подножных кормах³⁹. Сено заготавливали в основном на случай джутов, пожара трав, снегопадов и т.д. Однако такие выводы должны быть приняты с

³³ Там же, л. 41 об.

³⁴ Там же, д. 512, л. 25; ф. 131, оп. 1, д. 494, л. 149.

³⁵ Там же, д. 590, л. 14 об.; д. 687, л. 10; д. 2402, л. 34; д. 3010, 6 об.; д. 3011, л. 12 об., 13 об.; д. 3012, л. 12 об.; д. 3059, л. 13 об.; д. 3320, л. 23, 23 об.; д. 3462, л. 10 об.; д. 3754, л. 74 об.; д. 3873, л. 102 об., 106; д. 3945, л. 164–164 об., 191 об.; ф. 131, д. 539, л. 54; д. 283, л. 236; д. 488, л. 247 об.; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 76, 76 об., 80 об., 89; ф. 275, оп. 1, д. 113, л. 262 об.

³⁶ Там же, ф. 131, оп. 1, д. 363, л. 23.

³⁷ Там же, д. 494, л. 121; д. 515, л. 3.

³⁸ Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 169–170.

³⁹ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 301.

существенными оговорками. Вне всякого сомнения, агинские буряты в указанный период, как и ранее, продолжали вести кочевой образ жизни, но к концу XIX в. уже примерно 70% их хозяйств стали заниматься сенокосением. Если бы состав стада у них остался традиционным (с преобладанием овец и коз) и не начал постепенно изменяться в пользу увеличения поголовья крупного рогатого скота, то заготовленных кормов хватало бы на достаточно длительный период. Для питания одной овцы в холодное время требовалось ежедневно около 2,5 кг сена. Поскольку уже в конце XIX в. на одну условную кормовую единицу в волости приходилось примерно 12–19 пуд. сена, то этим количеством кормов можно было подкармливать животных 2–4 месяца. К тому же столь низкий в сравнении с другими ведомствами и управами расчёт на одну среднестатистическую овцу обусловлен не столько незначительными объёмами сенозаготовок, сколько большим количеством скота у бурят Агинской волости. В валовом объёме сена по ведомствам Забайкальской обл. агинцы выкашивали более 4 млн пуд., что уступало заготовкам сена только по Хоринскому ведомству⁴⁰.

Важнейшим новшеством стала организованная на государственном уровне борьба с эпизоотиями крупного рогатого скота. Катастрофические последствия последних вызывали существенное беспокойство у официальных властей, пытавшихся изучить данные явления и выработать рекомендации по воспрепятствованию их масштабного распространения на всё Восточное Забайкалье. Была даже разработана специальная программа по сбору соответствующей информации⁴¹.

В утверждённой 13 марта 1869 г. инструкции врачебного отделения Забайкальской обл. были оговорены обязанности должностных и иных лиц в случае вспышек болезней животных⁴². Их хозяева несли строгую ответственность за неинформирование об этом местных властей и полиции. Вводились строгие правила, предусматривавшие санитарно-эпидемиологический осмотр ветеринарным врачом всего скота, а также предназначавшегося на убой. Обязательным стал жёсткий контроль за уже заболевшими животными, которые изолировались от остальных. Кроме того, осуществлялись специальные меры для дезинфекции пастухов и ветеринаров, здоровых животных (дёгтем, во избежание заражения их насекомыми) и мест их содержания. Чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению заразной болезни, было предписано зарывать погибших животных на глубину не менее одной казённой сажени, предварительно облив их раствором извести. Также запрещалось перегонять больной скот на другую территорию, а здоровый — через местность, где были обнаружены очаги болезней. Если же последнее не представлялось возможным, то властям следовало обеспечить безостановочный прогон скота, минуя селения, по обходным дорогам. Для локализации очагов распространения болезней предполагалась установка на дорогах специальных кордонов на период вспышки эпидемии и дополнительно — на полуторамесячный карантин⁴³.

Однако самой эффективной мерой борьбы с массовыми эпизоотиями стала вакцинация скота. Врачи-ветеринары и специально обученные санитары выезжали на заражённые территории и делали прививки больным и здоровым (для профилактики) животным. Это способствовало уменьшению очагов распространения эпидемии и увеличению поголовья скота.

Относительно последствий втягивания скотоводов в товарную экономику следует отметить, что если во второй половине XIX в. состав стада агинских бурят был обычным для кочевников аридных зон Евразии (при ведущей роли

⁴⁰ *Серебренников И.И.* Буряты: их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1. Верхнеудинск, 1925. С. 118.

⁴¹ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 1903, л. 7–9.

⁴² Там же, д. 2461.

⁴³ Там же, л. 32–32 об., 208, 252; д. 2479, л. 65 об.

лошади, но с преобладанием мелкого рогатого скота), то накануне Первой мировой войны произошли существенные изменения. Достаточно сравнить, например, 1882 и 1911 гг. (см. табл. 1). В 1911 г. шло массовое сокращение поголовья овец – с 50 до 34% общего поголовья животных, при одновременном увеличении доли рогатого скота – с 22 до 40%. Видимо, это было связано с постепенной переориентацией хозяйства агинских бурят (в первую очередь богатых и очень богатых) с замкнутого натурального хозяйства на рынок.

Всё это привело к необратимым последствиям в экономике, обществе и культуре кочевников. Данные Агинской экспедиции 1908 г. в сравнении с переписью Куломзина, например, показывают, что социальная структура агинских номадов стала иной. В целом, «отношение между бедными и богатыми хозяйствами изменилось в сторону увеличения числа первых. Дифференциация населения за последние 11 лет стала большей, чем была ранее, а вместе с нею шло общее обеднение бурят скотом и уменьшение размеров скотоводства»⁴⁴. Это свидетельствовало о том, что в начале XX в. кочевое хозяйство агинских бурят находилось в состоянии экономического кризиса.

⁴⁴ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 277.